

НЕКРАСОВСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДНЫХ ЗАСТУПНИКОВ В КАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ XIX—XX ВВ.: ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ

И. А. Гасанов

*Большеарешевская средняя общеобразовательная школа
Кизлярского района Республики Дагестан*

Поступила в редакцию 5 ноября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена анализу проблемы влияния некрасовских образов борцов за народ на кавказскую поэзию XIX—XX вв. Устанавливается, что диапазон воздействия эстетической системы Некрасова на кавказскую лирику включает и социальные, и этические, и философские мотивы. Обосновывается мысль о том, что и Некрасов, и кавказские поэты считали возможным соединить высшие гуманные начала и методы революционной борьбы. Особое внимание обращено на представления Некрасова и кавказских поэтов о самопожертвовании как высшей форме проявления любви к народу.

Ключевые слова: традиции; самопожертвование; интертекстуальность; народные заступники; кавказская поэзия

Abstract: the article is devoted to the analysis of the problem of the influence of Nekrasov's images of fighters for the people on the Caucasian poetry of the 19th-20th centuries. It is established that the range of influence of Nekrasov's aesthetic system on the Caucasian lyrics includes both social, ethical, and philosophical motives. The author substantiates the idea that both Nekrasov and Caucasian poets considered it possible to combine the highest humane principles and methods of revolutionary struggle. Particular attention is paid to the views of Nekrasov and the Caucasian poets on self-sacrifice as the highest form of manifestation of love for the people.

Keywords: traditions; Self-sacrifice; Intertextuality; Popular defenders; Caucasian poetry.

В современном литературоведении понятия интертекстуальность, интертекст стали чрезвычайно актуальными и востребованными. После исследований М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Ж. Женнет, И. В. Арнольд и др. феномен способов взаимодействия текстов разных литератур и культур приобретает новые очертания и смысл, способствует более глубокому пониманию литературных и культурных традиций.

В этом контексте наше обращение к поэзии Некрасова в аспекте влияния его образов народных заступников на кавказскую лирику XIX—XX вв. становится актуальным. Оно позволит нам высветить новые грани интертекстуальных связей, осмыслить важную роль поэзии Некрасова в развитии кавказской литературы.

Серьезный вклад в изучение влияния творчества Некрасова на кавказскую литературу внесла Всесоюзная научная конференция, организованная Ереванским университетом и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького в 1971 г. По итогам конференции был выпущен сборник [1]. Необходимо, пожалуй, отметить и труд известного учёного Р. Ф. Юсуфова «Общность литературного развития народов СССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1985 (отдельная глава посвящена влиянию лирики Некрасова на литературу Поволжья и Северного Кавказа). Однако многие аспекты проблемы в силу объектив-

ных причин остались вне поля зрения исследователей, в том числе и проблема воздействия некрасовских образов народных заступников на кавказскую литературу.

Прежде всего необходимо определить суть некрасовской концепции героя, выяснить причины весьма сложного синтеза в его творчестве революционных и христианских идей, истоков романтических представлений о будущем как о царстве справедливости и методах достижения цели.

Социальная и экзистенциальная мечта Некрасова о счастливой жизни воплотилась в его представлениях о самопожертвовании. Ученый В. И. Мельник замечает: «Некрасов, поэт страдания, поэт, имеющий комплекс вины перед народом, поэт личного покаяния и преклонения перед подвигом самопожертвования, не всегда различал, так сказать, нравственное содержание подвига. Его как бы увлекает сама идея — положить душу «за други своя» [2, 129].

Подобная же мысль утверждается М. М. Дунаевым: «Некрасов также принял участие в известного рода канонизации революционеров, принёсших себя в жертву своей борьбе» [3, 141].

Некрасовское отношение к борцам за народное дело амбивалентно (преклонение перед их мученичеством сменяется мотивами неверия и сомнения). Однако в некрасовской антропологии этическое всегда доминировало над революционным в решении социальных и экзистенциальных проблем (со-

ветское литературоведение было нацелено именно на этот мотив).

Истинное отношение Некрасова к человеку раскрывается в письме В. П. Боткина к нему: «Я не знаю другого сердца, которое так же умеет любить, как твое,— только ты любишь без фраз и так называемых излишних излияний» [4, 242].

Некрасовские образы борцов эстетически ущербны, несколько рассудочны, но поэт попытался создать новую художественную модель борца-подвижника, в котором соединились бы активное сопротивление злу и христианские заповеди. Некрасов, очевидно, понимал несостоятельность своей грандиозной попытки создать новую этическую систему ценностей — поэтому столько скорбной силы в его покаянных стихах.

О сути мироощущения Некрасова прекрасно сказано известным некрасоведом Н. Н. Пайковым: «От критики и его тогдашнего окружения Некрасов впитал идеи возможности построения справедливого общественного уклада, социального гуманизма и идейного подвижничества. Этим убеждениям он не изменит никогда. Но точно так же никогда поэт не обращался в социалиста на революционно-демократический лад. Он был скорее моралист и метафизик, нежели нигилист и утилитарист» [5].

Значительный корпус некрасовских стихотворений посвящён изображению образов борцов за народ, они, для поэта, — подвижники, посвятившие себя святому делу.

В произведениях «Пророк», «Памяти Добролюбова», «Памяти Белинского», «Смолкли честные, доблестно павшие», «Медвежья охота», «Поэт и гражданин», в поэмах «Белинский», «Несчастные» и др. Некрасов рисует свой идеал борца за народную правду. Образы борцов полны патетики, в них аккумулярованы некрасовские этические представления.

Образы народных заступников не лишены налёта идеализации, но примеров самопожертвования в русской жизни в эпоху Некрасова было достаточно (Михайлов, Чернышевский, народовольцы).

Именно этот высокий дух самопожертвования и призывы Некрасова посвятить свою жизнь борьбе за народное дело оказались созвучны настроениям кавказской интеллигенции XIX — начала XX вв.

Прежде всего, в кавказской поэзии находит отзвук некрасовская жажда героя — заступника за правду народную. Произведения, в которых отразился подобный мотив, отсылают нас к некрасовским текстам (т.е. к претекстам):

Некрасов:

Но где герой, кто выведет
Тебя на свет?

[6, 137].

С. Габиев:

Кто факел вознесёт рукою властной?
Чей смелый, звонкий прозвучит призыв?
[7, 347].

К. Хетагуров:

Где же ты вождь наш? Для радостей жизни
Нас собери своим словом теперь.

[8, 10].

Налицо интертекстуальная перекличка образов С. Габиева, К. Хетагурова с некрасовскими представлениями о герое (влияние некрасовских традиций на лирику К. Хетагурова, С. Габиева является несомненным фактом).

Можно утверждать, что строки из текстов С. Габиева и К. Хетагурова являются трансформированными цитатами из лирики Некрасова, но они служат С. Габиеву и К. Хетагурову как структурные элементы собственных текстов. В ряде произведений К. Хетагуров создал образ борца за свободу, который полон трагизма и противоречий. В стихотворении «За заставой» явственно звучат некрасовские мотивы разочарования, сомнений в победе над злом, малодушия некоторых борцов за народное дело. Затрагивается К. Хетагуровым и (болезненный для Некрасова) мотив бесперспективности усилий народных заступников преодолеть враждебность «остервенелой толпы» («Толпа»). Интертекстуальная перекличка образов этого стихотворения с некрасовскими «Последними элегиями» несомненна. Жажда героя, способного на самопожертвование, отражена К. Хетагуровым и в стихотворении «На Bis»:

Ищу готового пойти с ним на Голгофу
Для блага родины, страдая и любя (8, 33).

Некрасовская социальная и нравственная философия близка габиевской. Дагестанский поэт и революционер впервые познакомился с поэзией Некрасова во время учёбы в Ставропольской гимназии через К. Хетагурова, а потом глубже, будучи студентом Санкт-Петербургского университета (1905—1911 гг.).

Прямые призывы к революционной борьбе с оружием в руках сочетаются в его творчестве с воспеванием братских отношений между людьми. Так, он пишет лакскому поэту и просветителю М. Чаринову: «Слушайте моих советов, моих слов. Живите как братья. Любите друг друга» [9].

Некрасовский образ подвижника, посланного «Раба́м земли напомнить о Христе» («Пророк») оказался созвучен образу народного заступника у С. Габиева. Интертекстуальные связи стихотворения С. Габиева «Реквием» и нескольких произведений Некрасова, в том числе «Смолкли честные, доблестно павшие», «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины» и т.д., обнаруживаются на разных уровнях: поэтико-синтаксическом, лексико-семантическом, духовно-нравственном.

В «Реквиеме» изображены страдания борцов за народное дело, идущих по этапу. Автор восхищается их стоическим терпением и стойкостью, употребляет для их характеристики возвышенно-поэтическую лексику:

Идёте вы, братья, лязгая цепями.
Крепко связаны руки и ноги.

Проходите достойно вы свой путь
И бесконечная степь ждёт вас впереди.
Нещадное солнце жжёт вам глаза,¹
От пыли этапа труднее дышать.
[7, 126].

В стихотворении С. Габиева «Реквием» актуализована «некрасовская» лексика: братья, звон кандалов, жандармы, дорога, несправедный суд, честь, павшие в бою, самопожертвование.

Некрасовская этика любви и самопожертвования духовно близка габиевской, она выражает многие общие грани мироощущения обоих поэтов.

Скорбно-пронзительный пафос стихотворения Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие» сообщается и описанию борцов в «Реквиеме» С. Габиева.

Кандалы, дорога, палачи, кровавые раны превращаются у Некрасова и С. Габиева в символы страданий, знаки ложного мироустройства.

Некрасовский концепт героя способствовал конструированию художественных моделей образов борцов в кавказской поэзии, в том числе и у С. Габиева: нравственная чистота, дух самопожертвования, любовь к народу, но в то же время доктринёрство и рассудочность.

Имплицитная связь на уровне аллюзий и скрытых реминисценций с некрасовскими текстами выявляются в стихотворении И. Чавчавадзе «День падения коммуны» (как и некрасовское стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие», оно является своеобразным откликом на разгром Парижской коммуны). Образы борцов, как у Некрасова, сакрализируются, они названы «мучениками».

Лексика метатекста духовно близка некрасовской: «венец терновый», «для блага ближнего», «крестное страдание» и т.д.

Пусть кровью мучеников вновь
Укреплено святое дело —
Увы, великая любовь,
Ты поражение потерпела.
[10, 356].

Для кавказских поэтов русская литература всегда являлась источником, откуда черпались идеи, образы, духовные и философские представления. В этом контексте уместно высказывание учёных Е. В. Кауновой, М. В. Шишкиной: «Так, например, интертекстовый анализ художественных произведений авторов XX — начала XXI в. выявил широкий спектр опорных категорий текстов, выступающих в качестве прецедентных, или пре-текстов, при построении новых текстов культуры: 1) Священное Писание; 2) Классические русские произведения (преимущественно XIX в.); 3) Классические зарубежные произведения; 4) Мифологические тексты; 5) Фольклорные тексты; 6) Авторские песни». [11, 286—287].

Лирика Некрасова оказала благотворное влияние на грузинского поэта А. Церетели, которому были особенно близки гражданские мотивы русского поэта..

Например, стихотворение А. Церетели «Колыбельная» во многом перекликается со стихотворением Некрасова «Свобода». На лирику грузинского поэта оказал воздействие и некрасовский образ истерзанной Музы (стихотворение А. Церетели «Большая»). Мотив жертвенности (актуализированный Некрасовым и поэтами некрасовской школы) звучит и в лирике А. Церетели:

Да, я готов пожертвовать собою,
Меня не остановит смерти страх.
Душой и телом предан я отчизне,
Пусть над ней развеется мой прах.
[10, 369].

В небольшом по объёму стихотворении «Думы умирающего» дважды повторено слово «пожертвовать», что придаёт тексту особую тональность.

В стихотворении А. Церетели явно слышен отголосок нескольких текстов Некрасова («Родина», «Элегия», «Что ни год — уменьшаются силы»), в данном случае, заимствование происходит на уровне аллюзий.

В тексте А. Церетели доминирует голос автора-повествователя (поэта), но в некрасовской этике понятия «певец» и «народный заступник» почти тождественны, к ним предъявляются одинаковые этические требования. Некрасовские традиции оказали существенное воздействие и на лирику грузинского поэта Важа Пшавелы. Некрасовская лира пленила В. Пшавелу своим гуманизмом, состраданием к близкому, активным протестом.

Своеобразным антиподражанием Некрасову («Нравственному человеку») является стихотворение В. Пшавелы «Утешение». Авторское «Я» прорывается через систему сложных отношений (в тексте слышится отзвук и пушкинского «Памятника»). В тексте В. Пшавелы функцию народного заступника выполняет поэт: он несёт добро и свет людям.

Связь с некрасовским текстом осуществляется на уровне лексики, интерполяций, тональности:

Некрасов:
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
[12, 58].

В. Пшавела:
Я в этом мире зла не сотворил.
[10, 374].

Экстралингвистические связи выявляются на уровне лексики («ближний», «любовь», «ближнему помочь», «земное», «небесное») — из некрасовского поэтического арсенала.

Влияние некрасовских традиций заметно и в лирике И. Иоаннисиана, в становлении которого как поэта ключевую роль сыграла русская культура, литература, особенно поэзия Некрасова, в которой он нашёл созвучные ему образы и представления. «В 80х годах с вступлением армянской поэзии в новую полосу своего развития влияние поэзии Некрасова

сказалось с новой силой. Более близкой и понятной, чем его предшественникам, стала для Иоаннисиана «муза мести и печали», — пишет литературовед А. М. Давтян [13, 314].

В лирике И. Иоаннисиана нашла отклик и некрасовская этика борца за народ: в посвящении «С. Шахазизу» чётко прослеживаются интертекстуальные связи с стихотворением Некрасова «Памяти Добролюбова», налицо и скрытые реминисценции.

Некрасов:

Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей...
[14, 173].

Иоаннисиан:

Ты отдал струнам жар свой молодой,
Охваченный заботой благородной.
[10, 402].

Борцов за свободу автор называет «достойными сыновьями», их образы героизированы и романтизированы:

Подняли знамя разума они,
Тьму разорвали сильными руками.
[10, 401].

Явные следы усвоения некрасовских принципов изображения борцов за народное дело мы обнаруживаем в лирике дагестанского поэта и революционера З. Батырмурзаева, в творчестве которого отразились некрасовские мотивы борьбы и самопожертвования (стихотворения «Караван ушёл», «Утренняя звезда»).

Образы его стихотворения «Народному заступнику» (название явно некрасовское) восходят к некрасовским.

Призывная императивная лексика стихотворения З. Батырмурзаева («шагай вперёд», «должен к счастью повести», «отдай кровь свою», «не преклоняй») близка по духу Некрасову и поэтам некрасовской школы, а ключевым словом является «проснись» (одно из ключевых слов и в некрасовской поэзии).

Таким образом, кавказская поэзия XIX—XX вв. оказалась чуткой ко многим мотивам и образам Некрасова, в частности к изображению народных заступников. Интертекстуальные связи кавказских текстов с некрасовскими обнаруживаются на разных уровнях: лексико-семантическом, этическом, эстетическом.

Образы многих борцов за свободу в кавказской поэзии носят отпечаток некрасовских образов, они сконструированы на некрасовских принципах изображения и отражают определённые эстетические и этические представления Некрасова о жизни — и мироустройстве.

Большешаршевская СОШ Кизлярского района Республики Дагестан

Гасанов И. А., кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы

E-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru.

Глубинная соотнесённость некрасовских текстов с образами борцов за свободу в кавказской поэзии выявляет уровни освоения художественной методологии Некрасова кавказскими поэтами XIX—XX вв., отражающие весьма сложный эстетический и этический комплекс воззрений Некрасова на революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван. Изд-во Ереванского у-та, 1972. 610 с.
2. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания / В. И. Мельник // Некрасовский сб., вып. XIII. СПб. Наука, 2001. С. 126—134.
3. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М. М. Дунаев. — М.: Издат. Совет. Русской Православной Церкви, 2002. — 1056 с.
4. Переписка Н. А. Некрасова. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1987. — 543 с.
5. Пайков Н. Н. Код Некрасова. Источник: <http://Некрасовское наследие юношеству. Материалы VIII Некрасовских юношеских чтений. 30 ноября 2011 года>.
6. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 3. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1982. — 541 с.
7. Габиев С. Стихи / С. Габиев // Антология лакской поэзии в 5 т. — Т. 2. Дореволюционная поэзия. Махачкала, 2006. — 455 с.
8. Хетагуров К. Л. Собр. соч. / К. Л. Хетагуров. — В 3-х т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1974. — 180 с.
9. Габиев С. Письмо к М. Чаринову // Илчи, 2001, 31 мая.
10. Поэзия народов СССР XIX — начала XX века. М.: Худож. лит., 1977. — 742 с.
11. Каунова Е. В. Интертекстуальность в художественном дискурсе / Е. В. Каунова, М. В. Шишкина // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах типов: коллективная монография. М.: Флинта; Наука, 2014. — С. 280—304.
12. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 1. — Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1981. — 720 с.
13. Давтян А. М. Итоги и перспективы изучения традиций Некрасова в армянской поэзии / А. М. Давтян // Некрасов и литература народов Советского Союза. — Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1971. — 610 с.
14. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем / Н. А. Некрасов. — В 15 т. — Т. 2. — Л.: Ленингр. отд-е, 1981. — 447 с.
15. Дагестанские лирики. — Л.: Советский писатель, 1961. — 403 с.

«Bolsheareshevskaya secondary school» of the Kizlyar district of the Republic of Dagestan

Gasanov I. A., Candidate of Philology, Teacher of Russian Language and Literature

E-mail: ardgyna.gasanoff@yandex.ru